

Научная статья
УДК 351.74(09)+94(47)"1881/1917"

**К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ
ЗАГРАНИЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РОЗЫСКА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1881–1917 ГОДАХ**

Александр Егорович Елифанов,
Научно-исследовательский центр Академии управления МВД России,
Москва, Россия,
mvd_djaty@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье исследуется история становления и функционирования заграничной агентуры Департамента полиции Российской империи в период с момента ее учреждения (1881 г.) до упразднения в ходе Февральской революции (1917 г.). Особое внимание уделено организационно-штатной структуре агентуры, методам политического розыска, системе формирования и оплаты секретных сотрудников, а также региональному охвату наружного наблюдения на территории Западной Европы. Полученные результаты представляют практический интерес для сотрудников органов внутренних дел, занимающихся историческим осмыслением опыта организации специальных служб в области политического розыска, а также для исследователей в области истории государства и права.

Материалы и методы: в качестве эмпирического материала автором был использован широкий круг разнообразных источников, в том числе обширная литература, имеющаяся по теме, и ведомственные нормативные акты. Основное внимание при подготовке статьи было уделено архивным материалам, многие из которых были введены в научный оборот впервые. Применялись общенаучные (анализ, синтез, диалектический метод) и частнонаучные (историко-правовой, сравнительно-правовой) методы исследования.

Результаты исследования: установлено, что к 1917 г. заграничная агентура Департамента полиции представляла собой разветвленную структуру, включавшую аппарат наружного наблюдения и широкую сеть внутренних секретных сотрудников. Совокупное финансирование агентуры к 1917 г. достигало 332 226 рублей в год для внутренних провокаторов и 240 000 франков – для заграничных. За рубежом действовало около 30 секретных сотрудников.

Обсуждение и заключение: автор приходит к выводу, что к 1917 г. система заграничного политического розыска, несмотря на внушительный масштаб, страдала рядом органических пороков – прежде всего хронической непередачей агентурных связей при смене руководства. В совокупности эти факторы привели к дискредитации системы еще до ее формального упразднения.

Ключевые слова: заграничная агентура; Департамент полиции; политический розыск; провокаторы; секретные сотрудники; охранное отделение; Российская империя; Красильников; Рачковский; Азеф

© Елифанов А.Е., 2026

Для цитирования: Елифанов А.Е. К вопросу организации заграничного политического розыска Российской империи в 1881–1917 годах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2026. Т. 17. № 2 (64). С. 23 – 30.

Scientific article
UDC 351.74(09)+94(47)"1881/1917"

ON THE ISSUE OF THE ORGANIZATION OF FOREIGN POLITICAL SURVEILLANCE IN THE RUSSIAN EMPIRE (1881–1917)

Alexander Egorovich Epifanov,
Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow,
Russia,
mvd_djaty@mail.ru

Abstract

Introduction: The article examines the history of the establishment and functioning of the foreign agency of the Department of Police of the Russian Empire from its creation (1881) until dissolution during the February Revolution (1917). Special attention is paid to the organizational structure, methods of political investigation, the system of recruiting and compensating secret agents, and the geographic scope of external surveillance. The findings are of practical interest for law enforcement officers studying the historical experience of special services.

Materials and Methods: A wide range of diverse sources was used as empirical material, including extensive literature and departmental regulations. Primary attention was given to archival materials, many introduced into scientific circulation for the first time. General scientific (analysis, synthesis, dialectical method) and specific scientific (historical-legal, comparative-legal) research methods were applied.

Results: By 1917 the Department of Police foreign agency comprised an external surveillance apparatus and an extensive internal network. Combined funding reached 332,226 rubles per year for domestic provocateurs and 240,000 francs for foreign agents. Approximately 30 secret agents operated abroad.

Discussion and Conclusions: The system suffered from chronic failure to transfer agent networks upon leadership changes and systemic risks of the provocateur practice, leading to its discrediting before formal dissolution.

Keywords: foreign agency; Department of Police; political investigation; provocateurs; secret agents; security department; Russian Empire; Krasilnikov; Rachkovsky; Azef

© Epifanov A.E.

For citation: Epifanov A.E. On the Issue of the Organization of Foreign Political Surveillance in the Russian Empire (1881–1917). Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2026;17(2):23-30. (In Russ.).

Введение

История специальных служб Российской империи по-прежнему остается одной из наиболее дискуссионных и исследовательски емких страниц отечественной истории права и государственного управления. Интерес к данной тематике не угасает на протяжении более ста лет: первые попытки систематизировать сведения о деятельности Департамента полиции относятся еще к революционному 1917 г., когда Временное правительство предприняло масштабную ревизию политического сыска, дав тем самым импульс к историческому изучению его механизмов.

Среди многочисленных институтов политического розыска особое место занимала так называемая заграничная агентура Департамента полиции – орган, созданный специально для наблюдения за русской политической эмиграцией, революционными организациями и террористическими объединениями, действовавшими

за пределами Российской империи. На протяжении почти четырех десятилетий (1881–1917 гг.) заграничная агентура неизменно находилась в тени своих более известных внутренних аналогов – охранных отделений и губернских жандармских управлений. Между тем именно за рубежом формировались идеологические центры революционного движения, финансировались и планировались операции, следствием которых стали крупнейшие потрясения в истории Российской империи.

Актуальность настоящего исследования определяется не только историко-познавательным значением темы. Изучение механизмов заграничного политического розыска представляет практический интерес для сотрудников органов внутренних дел, занимающихся историческим осмыслением опыта специальных служб. Многие приемы, выработанные заграничной агентурой, – от системы наружного наблюдения до методов вербовки

секретных сотрудников – нашли отражение в последующей практике специальных служб.

В настоящей работе автор стремится воссоздать целостную картину организации заграничного политического розыска к 1917 г., опираясь прежде всего на материалы, связанные с деятельностью Департамента полиции и его агентуры за рубежом, а также на документальный массив, сохранившийся в отечественных и зарубежных архивах.

Обзор литературы

Научная разработанность темы заграничной агентуры Департамента полиции отличается определенной неравномерностью. Первые обобщающие работы по данной тематике появились непосредственно после Февральской революции, когда материалы охранного ведомства стали доступны исследователям. В эмигрантской среде 1920–1930-х гг. вышел ряд документальных публикаций, основанных на личных воспоминаниях и частично сохранившейся переписке. Среди них особую ценность представляет работа С.Г. Сватикова [1], составленная на основании документов Заграничной агентуры, изъятых Временным правительством и вывезенных за рубеж.

В советской историографии тематика политического сыска рассматривалась преимущественно в контексте истории революционного движения, причем акцент неизменно делался на преступном характере охраны. Работы А.А. Шилова [2], посвященные биографическому словарю провокаторов, а также исследования, посвященные Азефу, Малиновскому, Зубатову, содержали богатый фактологический материал при очевидной идеологической заданности выводов. Крупнейшим трудом советского периода стало многотомное исследование М.Н. Гернета [3], сосредоточившее значительный документальный материал по условиям содержания политических заключенных в системе, нераздельно связанной с Департаментом полиции.

Качественный перелом наступил в постсоветский период. Труд З.И. Перегудовой «Политический сыск России (1880–1917 гг.)» [4] впервые детально прослеживает административную историю Департамента и вводит в научный оборот значительный массив ранее засекреченных документов. Ф.М. Лурье [5] и Р.А. Городницкий [6] подошли к проблеме со стороны истории революционного движения и биографии конкретных провокаторов, восстановив многие эпизоды, оставшиеся в тени.

Среди непосредственных участников событий особого внимания заслуживает В.Л. Бурцев – журналист и «охотник за провокаторами», чьи

эмигрантские публикации стали главными трибунами разоблачений. Именно ему принадлежит честь раскрытия Гартинга (Ландезена–Гекельмана), Азефа и Батушанского. Французский историк Эрнст Доде в своем труде «Дипломатическая история франко-русского союза» [7] зафиксировал существенные подробности об операции Ландезена с точки зрения французской стороны. Вместе с тем комплексного историко-правового исследования организационной структуры заграничной агентуры именно к 1917 г. до сих пор не существовало.

Материалы и методы

В качестве эмпирического материала автором был использован широкий круг разнообразных источников, в том числе обширная литература, имеющаяся по теме, и ведомственные нормативные акты. Основное внимание при подготовке статьи было уделено архивным материалам, многие из которых были введены в научный оборот впервые. В фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) хранятся служебные документы Департамента полиции – прежде всего материалы Особого отдела, переписка руководителей заграничной агентуры, донесения и финансовые отчеты за 1881–1917 гг.

Особый интерес представляет первый рапорт А.М. Гартинга директору Департамента полиции, датированный 1(14) сентября 1905 г. (рапорт № 1), в котором вступающий в должность начальник агентуры подробно описывает состояние принятого им хозяйства: ежемесячный бюджет 11 200 франков, из которых для внутренней работы оставалось «не более 2 500 фр.» [8]. Письмо Л.А. Ратаева, опубликованное в «Былом» (1918, № 2(24)), содержит важнейшие свидетельства о состоянии агентурного хозяйства в 1902–1905 гг. [9]. Публикация Л. Бороздина в «Былом» (1917, № 1(23)) содержит сведения о реакции Александра III на донесения Ландезена [10].

Нормативной базой организации заграничного розыска послужил ряд ведомственных актов МВД – положений, циркуляров и инструкций. Согласно одному из таких актов, с 1913 г. А.А. Красильников именовался «командированным министерством внутренних дел за границу для сношений с местными властями и российскими посольствами и консульствами» – формулировка, призванная придать его деятельности дипломатический облик при реальном руководстве политическим розыском.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы: анализ, синтез, диалектический подход к изучению государственно-правовых явлений. Из частнонаучных методов

применяются историко-правовой – для рассмотрения института заграничной агентуры в динамике его развития, – а также сравнительно-правовой при сопоставлении методов розыска в разные периоды и в разных регионах. Системный подход обеспечил возможность рассмотреть заграничную агентуру как элемент единой государственной системы политического розыска Российской империи.

Результаты исследования

До мартовской революции 1917 г. политическим розыском в Российской империи ведал почти без конкурентов Особый отдел Департамента полиции [11, с. 139]. Параллельно с ним действовала дворцовая полиция, ведавшая личной охраной монарха. При этом она не была лишена самостоятельности в делах политического сыска. Департаменту полиции в империи были подчинены губернские жандармские управления, охранные отделения и команды, охранные и пограничные пункты. За рубежом его интересы обеспечивала особая структура – заграничная агентура [12, с. 154].

Агентура была создана в 1881 г. Центр ее неизменно располагался в Париже – городе, где в конце XIX – начале XX в. была сосредоточена значительная часть русской политической эмиграции. Руководителями агентуры последовательно являлись: Корвин (1881 г.), П.И. Рачковский (1882–1902 гг.), Л.А. Ратаев (1902–1905 гг.), А.М. Гартинг (1905–1909 гг.) и А.А. Красильников (1909–1917 гг.) [1]. С 1913 г. весь зарубежный политический розыск был сосредоточен в руках Красильникова – чиновника особых поручений V класса при Министерстве внутренних дел, официально именовавшегося «командированным министерством внутренних дел за границу для сношений с местными властями и российскими посольствами и консульствами».

Основу оперативного обеспечения наружной разведки во Франции составляло так называемое «частное детективное бюро» Бинта и Самбена – организация, существовавшая на средства Департамента полиции, однако прикрытая вывеской частного коммерческого предприятия. Агенты бюро – французские граждане – осуществляли слежку за русскими политическими эмигрантами, фиксируя их передвижения, контакты и корреспонденцию. В 1917 г. агентов наружного наблюдения, включая самого Бинта, насчитывалось пятеро, еще шестеро были не призваны на военную службу. Помимо этого, у Бинта имелись «корреспонденты» – по одному агенту – в Женеве, Лозанне, Цюрихе и Берне.

Охрана высокопоставленных особ обеспечивалась тремя специализированными агентами – Битар-Моненом и двумя его помощниками. Итальянское направление осуществлял Инверниззи, сносившийся непосредственно с Красильниковым и имевший в своем ведении четырех агентов. В Великобритании работал Поуэлл – английский гражданин, которому подчинялись три агента. В Скандинавии в 1917 г. наружная агентура лишь начинала свое формирование. Таким образом, к 1917 г. аппарат наружного наблюдения охватывал Францию, Швейцарию, Италию, Великобританию и Скандинавию – в разной степени плотности и организационной зрелости.

Как бы ни были искусны агенты наружного наблюдения, они могли установить только внешние факты: кто где живет, с кем знаком, куда ходит, как долго остается в том или ином месте, кто чем занимается, откуда получает письма. Сведения эти добывались через местную полицию и консьержей – швейцаров, дворников. Помимо этого, агенты нередко прибегали к перехвату и хищению писем или покупке их у почтальонов. Изъятые корреспонденции вскрывались, фотографировались или снимались на кальку, после чего либо возвращались по адресу, либо прилагались к рапорту [13, с. 98].

Кража писем представляла для агентов серьезный риск: в случае разоблачения им грозила тюрьма – и самому агенту, и почтальону. Чисто внешние данные, сколь бы детальными они ни были, не давали представления о внутренней жизни революционных организаций. Для «внутреннего освещения» требовался «свой человек» непосредственно в революционной среде.

Именно потребность в агентах «изнутри» породила разветвленную систему так называемых «секретных сотрудников» – ключевой инструмент политического сыска [14, с. 102]. Секретные сотрудники добывались из среды революционеров различными путями: применялись угрозы, обещания причинить зло самому арестованному или его близким. На жандармском жаргоне завербовать революционера означало «заагентурить» его.

По своей функции секретные сотрудники делились на две категории, хотя жандармские делопроизводители называли тех и других одним словом. Одни ограничивались донесениями на своих соратников – это были осведомители, информаторы, на революционном языке – предатели. Другие шли значительно дальше: они не только сдавали полиции конкретных людей, но и сами участвовали в революционной работе, помогали организовывать типографии, склады, съезды, покушения – с тем, чтобы в нужный момент предать всех

участников и ускользнуть от ареста. Таких называли провокаторами. Разница между ними была только та, что провокаторам платили дороже.

История политической борьбы в России знает немало число предателей задолго до учреждения заграничной агентуры [15, с. 203]. По делу декабристов доносы подали Шервуд (получивший за это приставку «Верный»), Майборода и Бошняк. По оренбургскому делу 1827 г. предателем выступил Ипполит Завалишин, брат декабриста. В 1847 г. в результате предательства было раскрыто «Кирило-Мефодиевское братство» в Киеве – дело Костомарова, Шевченко и других. Типичным провокатором в деле «петрашевцев» был П.Д. Антонелли. Злостным провокатором в деле Чернышевского – Всеволод Костомаров.

В 1883 г. жандармский полковник Судейкин, опираясь на предательство Дегаева, фактически разгромил центр партии «Народная Воля»: была арестована Вера Фигнер, уничтожена военная организация. Партия даровала провокатору Дегаеву жизнь ценой участия в убийстве Судейкина. В 1886 г. в Москве начал провокаторскую карьеру С.В. Зубатов – впоследствии один из наиболее известных деятелей политического сыска. С ростом революционного движения в конце 1890-х гг. вербовка охранкой секретных сотрудников резко активизировалась. Главным объектом внимания московской охраны стало нарождавшееся социал-демократическое движение.

Наиболее поучительным примером заграничной провокации стала история Абрама Гекельмана – бывшего студента Московского университета, уволенного в 1881 г. за участие в беспорядках, причастного к народовольческим делам в Дерпте и бежавшего за границу. Завербованный П.И. Рачковским в 1892 г., Гекельман обнаружил столь выдающиеся провокаторские способности, что долгое время не был узнан никем – даже Бурцевым.

Действуя в 1889–1890 гг. в Париже под именем Ландезена, он вошел в сношения с кружком русских террористов, узнал явки петербургского народовольческого кружка и передал их полиции. Выехавший в Россию Юлий Раппопорт был задержан 13 апреля на границе, отвезен в Петропавловскую крепость и провел четыре года в одиночном заключении в «Крестах». Арестованные в Париже – Кашинцев, Степанов, А.Л. Теплов, Борис Рейнштейн, Накашидзе и Лаврениус – были приговорены к трем годам тюрьмы каждый. Их защитнику Мильерану удалось доказать, что главным действующим лицом являлся сам Ландезен, который заочно получил пять лет [7, с. 291–297].

Через пятнадцать лет Ландезен-Гекельман вернулся в Париж уже как официальный началь-

ник агентуры под именем Гартинга. Французская полиция, которая «не успела» арестовать его в 1890 г., с удивительным постоянством «не узнавала» его вплоть до 1909 г., когда его личность была публично раскрыта Бурцевым. Примечательно, что о каждом шаге Ландезена в период парижской операции докладывалось непосредственно Александру III, делавшему на докладах собственноручные пометки. На донесении о приговоре парижским террористам государем было написано: «Пока это совершенно удовлетворительно», а на докладе о выезде Бурцева в Россию: «Надеюсь, что он попадется» [10, с. 100].

Нужно сказать, что характернейшей слабостью заграничной агентуры была системная передача агентурных связей при смене руководства. После увольнения Рачковского сменивший его Ратаев застал наблюдательную часть «в состоянии, не соответствующем современным требованиям розыска, и полное отсутствие секретной агентуры». Оговариваясь, что он «не хочет этим сказать, что ее не было у моего предшественника», Ратаев констатировал категорично: «я только удостоверяю, что не получил ни одного сотрудника» [9, с. 201].

Гартинг в первом же рапорте из-за границы (1(14) сентября 1905 г.) докладывал, что принял от Ратаева лишь одного секретного сотрудника – некоего Светлицкого (псевдоним) в Париже – и адрес одного лондонского агента. Из ежемесячного бюджета в 11 200 франков на наружную агентуру уходило так много, что для внутренней оставалось «не более 2 500 фр.». «При таких условиях и с такими средствами, – резюмировал Гартинг, – ставить серьезную внутреннюю агентуру является совершенно невозможным» [8].

Феномен двойного агента наиболее полно воплотился в фигуре Евно Азефа. С 1892 г. он состоял на службе у Департамента, поначалу доносил из Дармштадта о революционной эмиграции. В 1902–1903 гг. Азеф числился секретным сотрудником заграничной агентуры под кличкой «Виноградов»: освещал финляндских революционеров, осведомлял о подготовлявшемся покушении на Плеве. Параллельно он возглавлял Боевую организацию партии социалистов-революционеров – случай, уникальный по масштабу двойного предательства.

Иначе выглядел тип провокатора-«профессионала» в лице Батушанского (кличка «Бабаджан»). Завербованный в 1902 г. Екатеринославским охранным отделением, он устроил зубоврачебный кабинет как прикрытие для работы и превратился в подлинный информационный узел: ему были известны конспиративные замыслы и социал-де-

мократов, и эсеров. Начальство аттестовало Батушанского как обнаружившего «весьма ценное качество – фотографическую точность передачи всех сведений, с крайне осторожными и всегда основательными личными предположениями и, кроме того, глубокую обдуманность каждого своего шага». Департамент возбудил ходатайство о пожизненной пенсии в 1 200 рублей «если он будет скомпрометирован в революционной среде не по своей вине». Разоблаченный осенью 1909 г. Бурцевым, Батушанский все же получил пенсию – но вместо 1 200 рублей Столыпин назначил ему лишь 600.

К 1917 г. система финансирования политического розыска достигла значительных масштабов. На содержание провокаторов только внутри России было ассигновано 332 226 рублей в год. На зарубежных секретных сотрудников выделялось 240 000 франков. Помощниками Красильникова по секретной агентуре состояли: для Франции – жандармский подполковник Люстих; для Англии – чиновник Департамента полиции А. Литвин; для Швейцарии – жандармский ротмистр Тихонкин; для Скандинавии – жандармский ротмистр Девиз Ф. Менар. В совокупности за рубежом действовало около 30 секретных сотрудников.

Показательна эволюция бюджета: если в 1905 г. Гартинг жаловался на нехватку средств при бюджете в 11 200 франков в месяц, то к 1917 г. ассигнования были существенно увеличены. Это отражало как общее усиление государственного аппарата в годы войны, так и рост революционной активности, требовавшей более широкого агентурного охвата. Вместе с тем ни объем финансирования, ни профессиональный уровень отдельных сотрудников не смогли компенсировать структурные пороки системы.

Обсуждение и заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, касающихся как организационных основ, так и функциональных ограничений заграничной агентуры Департамента полиции к 1917 г.

К последнему году своего существования заграничная агентура представляла собой структуру с достаточно разветвленным аппаратом наружного наблюдения, охватывавшим Францию,

Великобританию, Италию, Швейцарию и Скандинавию. Совокупное финансирование внутренней агентуры достигало 332 226 рублей в год плюс 240 000 франков для зарубежных сотрудников. За рубежом действовало около 30 секретных сотрудников.

Вместе с тем система страдала несколькими органическими пороками. Принципиальная передача агентурных связей при смене руководства фактически обнуляла накопленный оперативный потенциал. Каждое новое назначение означало для ведомства глубокий кризис: Ратаев принял «полное отсутствие секретной агентуры», Гартинг получил одного сотрудника и один лондонский адрес. Это свидетельствует об отсутствии институциональной памяти – неустранимом пороке системы, в которой личные связи ставились выше установленных процедур.

Широкое применение провокации порождало системные риски. История Азефа показала: провокатор, достаточно глубоко внедренный в революционную организацию, мог сам превращаться в фактор террора. Параллельная работа нескольких агентурных сетей без надлежащей координации приводила к курьезным коллизиям – Бейтнер одновременно освещал Бурцева и Панкратьева, «подлинная роль которого Бейтнеру и Рачковскому была неизвестна», хотя Панкратьев сам являлся агентом петербургской охраны.

Наконец, система была дискредитирована публичными разоблачениями В.Л. Бурцева – последовательно раскрывшего Гартинга, Азефа, Батушанского. Каждое разоблачение наносило репутации политического сыска удар, от которого тот так и не оправился. Революция 1917 г. застала систему заграничного политического розыска в состоянии глубокого морального и организационного кризиса – и потому ее упразднение прошло, по существу, без какого-либо сопротивления.

Полученные результаты представляют практический интерес для сотрудников органов внутренних дел, занимающихся изучением истории специальных служб и оперативно-розыскной деятельности. Ретроспективный анализ системных сбоев заграничной агентуры содержит уроки, актуальность которых не ограничивается исторической эпохой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сватиков С.Г. Заграничная агентура Департамента полиции. Записки. Прага–Берлин, 1941.
2. Шилов А.А. Материалы для биографического словаря провокаторов. М.: ГИЗ, 1922. 96 с.
3. Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 3. Москва: Государственное юридическое издательство, 1961. 430 с.
4. Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). Москва: РОССПЭН, 2000. 432 с.
5. Лурье Ф.М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России, 1649–1917. Санкт-Петербург: Час Пик, 1992. 414 с.
6. Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. Москва: РОССПЭН, 1998. 239 с.
7. Додэ Э. Дипломатическая история франко-русского союза. Париж, 1894. С. 291–297.
8. ГА РФ. Ф. 102. Особый отдел. Переписка заграничной агентуры. 1905–1917.
9. Ратаев Л.А. Евно Азеф. История его предательства // Былое. 1918. № 2 (24). С. 200–209.
10. Бороздин Л. Всемиловейшее внимание // Былое. 1917. № 1(23). С. 97–103.
11. Епифанов А.Е. Организация и деятельность Министерства внутренних дел Российской Империи в 1880 – 1905 гг. // Вестник Владимирского юридического института. 2021. №1(58). С. 135 – 142.
12. История органов внутренних дел дореволюционной России. Учебник. (Третье издание, переработанное и дополненное) // Ю.А. Артамонов, А.Е. Епифанов, И.А. Калиниченко [и др.]. Москва: «Юнити-Дана», 2025. 351 с.
13. История органов внутренних дел дореволюционной России: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» // А.Е. Епифанов, Н.В. Михайлова, А.Н. Никитин [и др.]; под ред. Н.В. Михайловой, А.Н. Никитина. Москва: «Юнити-Дана», 2023. 335 с.
14. История государственного управления в России: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Государственное и муниципальное управление» // А.И. Клименко, Н.В. Михайлова, А.Е. Епифанов [и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: «Юнити-Дана», 2025. 223 с.
15. История отечественного государства и права. Учебник (Пятое издание, переработанное и дополненное) // Н.В. Михайлова, А.И. Клименко, Д.А. Пашенцев [и др.]. Москва: «Юнити-Дана», 2025. 479 с.

REFERENCES

1. Svatikov S.G. Zagranichnaya agentura Departamenta policii. Zapiski. Praga–Berlin, 1941.
2. Shilov A.A. Materialy dlya biograficheskogo slovarya provokatorov. M.: GIZ, 1922. 96 s.
3. Gernet M.N. Istoriya carskoj tyur'my: v 5 t. T. 3. Moskva: Gosudarstvennoe yuridicheskoe izdatel'stvo, 1961. 430 s.
4. Peregudova Z.I. Politicheskij sysk Rossii (1880–1917). Moskva: ROSSPEN, 2000. 432 s.
5. Lur'e F.M. Policejskie i provokatory: politicheskij sysk v Rossii, 1649–1917. Sankt-Peterburg: Chas Pik, 1992. 414 s.
6. Gorodnickij R.A. Boevaya organizaciya partii socialistov-revoljucionerov v 1901–1911 gg. Moskva: ROSSPEN, 1998. 239 s.
7. Dode E. Diplomatičeskaya istoriya franko-russkogo soyuza. Parizh, 1894. S. 291–297.
8. GA RF. F. 102. Osobyj otdel. Perepiska zagranichnoj agentury. 1905–1917.
9. Rataev L.A. Evno Azef. Istoriya ego predatel'stva // Byloe. 1918. № 2 (24). S. 200–209.
10. Borozdin L. Vsemilostivejshee vnimanie // Byloe. 1917. № 1(23). S. 97–103.
11. Epifanov A.E. Organizaciya i deyatel'nost' Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Imperii v 1880 – 1905 gg. // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2021. №1(58). S. 135 – 142.
12. Istoriya organov vnutrennih del dorevoljucionnoj Rossii. Uchebnik. (Tret'e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe) // Yu.A. Artamonov, A.E. Epifanov, I.A. Kalinichenko [i dr.]. Moskva: «Yuniti-Dana», 2025. 351 s.
13. Istoriya organov vnutrennih del dorevoljucionnoj Rossii: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po napravleniyu podgotovki «Yurisprudenciya» // A.E. Epifanov, N.V. Mihajlova, A.N. Nikitin [i dr.]; pod red. N.V. Mihajlovoj, A.N. Nikitina. Moskva: «Yuniti-Dana», 2023. 335 s.
14. Istoriya gosudarstvennogo upravleniya v Rossii: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po special'nosti «Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie» // A.I. Klimenko, N.V. Mihajlova, A.E. Epifanov [i dr.]. 3-e izd., pererab. i dop. Moskva: «Yuniti-Dana», 2025. 223 s.

15. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava. Uchebnik (Pyatoe izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe) // N.V. Mihajlova, A.I. Klimenko, D.A. Pashencev [i dr.]. Moskva: «Yuniti-Dana», 2025. 479 s.

Информация об авторе:

Епифанов Александр Егорович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, e-mail: mvd_djaty@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Epifanov Alexander E., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor, Chief Researcher of the Department for the Study of the Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, e-mail: mvd_djaty@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 30.03.2026.

Статья принята к публикации: 29.06.2026.

Статья опубликована онлайн: 30.06.2026.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.